

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СХЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ КАК ФОРМА ОБЪЕКТИВАЦИИ ВЛАСТНОГО ИНТЕРЕСА ТЕОРЕТИКА: ПАРСОНС/ФУКО*

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СХЕМА ТЕОРИИ — ВИДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Всякое социально-теоретическое описание общества, при всем многообразии существующих подходов, в основе своей содержит пространственную схему, которая приписывает социальному миру ту или иную предельную форму упорядоченности. «Социальная структура», «профессиональная стратификация», «социальные классы», «политическая система ‘вход — выход’», «поле политики», «организационная иерархия», выступающие опорными категориями различных концепций, являются пространственными абстракциями, которые, в свою очередь, основываются на допущении общества как структурированного пространства. Это допущение не предполагает тождества социального пространства и физического, в котором можно рассматривать общество, сводя его к национальному государству, множеству индивидов, овеществленной структуре производства. Социальное и физическое пространства, взаимопроницаемые и опосредованные, принципиально отличны: первое выстраивается по взаимному исключению объектов, тогда как второе — по их смежности¹. Если речь идет о взгляде на мир с точки зрения социологии, в качестве его атрибута может выступать только социологически понимаемое пространство, то есть схемы исключения или способность социального (а не физического) различения, которая делает любую физическую констатацию лишь материалом для последующего социального анализа. Следуя этому пути, мы оставляем за рамками настоящего исследования возможные определения пространства как формы категориального созерцания, атрибута материи, универсального вместилища. Мы рассматриваем его как властно обусловленный феномен — как представление о пространстве, заданное совокупностью категорий социальной перцепции, которые различаются в зависимости от пози-

* Статья опубликована в: Пространство и время в современной социологической теории. М.: Институт социологии, 2000.

¹ «...Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [1, с. 35].

ции носителя, от имманентного ей властного интереса. Различие позиций приводит к различному видению, а значит, к различным представлениям о социальном порядке².

Замысел настоящего исследования состоит в том, чтобы раскрыть связь между пространственной схемой, лежащей в основе теоретического объяснения социальных феноменов, и позицией социолога в системе властных отношений. Для рассмотрения базовых пространственных схем мы избрали работы Т.Парсонса и М.Фуко, а в их рамках — описание феномена политической или, более обще, социальной власти. Сузив таким образом предметное поле, мы, с одной стороны, достигли большей точности, но с другой, формально усложнили задачу исследования, говоря о властном интересе в описании власти. Впрочем, именно это усложнение оказалось эффективным ходом при анализе зависимости теории власти от позиции теоретика: теоретически определяя власть, он определяет прежде всего собственное положение в системе властных отношений. Тем самым, сопоставление работ Парсонса и Фуко призвано раскрыть связь между их существенно разнящимся самоопределением в контексте власти и различием в их теоретических (пространственных) моделях феномена.

В предпринятом исследовании мы использовали теоретический ход П.Бурдьё, который, исходя из категории различия, ввел взаимоопределяемые социальную позицию и социальное пространство³. Специфика нашего подхода состоит в том, что позиция социолога и искомая связь ее с пространственной схемой раскрывается не через обнаружение источников теории в историческом или биографическом контексте (то есть через внешний для теории причинный ряд), но через анализ самой пространственной схемы в тексте теории. С этой целью мы отделяем пространственную схему (как а priori и, одновременно, конечный результат теоретизирования) от текста теории, понимая последний как процесс реализации властной стратегии и конкретный способ говорения о власти. Пространственная схема, хотя и оказывается неразрывно связанной с текстом, выступает уже независимой от него, вовлеченной во властное взаимодействие как ставка, аргумент, гарантия и т.д. Текст теории здесь предстает, прежде всего, сложной классификацией социального мира, претендующей на описание его предельных темообразующих констант: социального порядка, власти, взаимодействия и т.д. При этом классификацию нужно понимать не в узком логическом смысле (только как выстраивание иерархии понятий), но как конструирование социальной онтологии в борьбе за господство того или иного способа и языка ее представления. Таким образом, выраженная в

² «Категории перцепции» — термин П.Бурдьё, который вводит его для объяснения разнящихся точек зрения, вытекающих из различия положения их обладателей в социальном пространстве: «Социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления...» [2, 195].

³ См., напр., [1].

классификации точка зрения социального теоретика и оказывается его способом вовлеченности во властные отношения⁴.

В настоящем рассмотрении мы отказались от историко-социологической логики, в которой опорной процедурой объяснения выступает периодизация, данная как ко всему ряду мыслителей, так и к каждому из них в отдельности. Если эта логика работоспособна там, где требуется зафиксировать последовательность появления ряда идей, теоретических ходов, то объяснять сам механизм теоретизирования она бессильна. Поэтому отобранные для настоящего анализа тексты не определяются через обобщенно-метафорические меты «ранний Парсонс», «последний период Фуко» и т.п. За основу взят более устойчивый критерий теоретической идентичности: базовая модель социального порядка, введение которой сопровождается устойчивым набором интерпретативных процедур, метафор, наконец, инвариантов одной пространственной схемы. Исходным для нашего анализа выступает такое полагание общества, которое нейтрально к историческим и биографическим различиям, проявляющимся от текста к тексту, а, следовательно, и окончательный отбор текстов произведен не из соображений их самостоятельной важности (с точки зрения истории социологии), но по тематическому признаку: взяты для анализа те из всего корпуса работ, которые сфокусированы на феномене власти и наиболее полно описывают ее *per se*.

Между тем, в связи с методом имманентного анализа теории, поставив на место внетекстовых социальных фактов сам текст, как социальный факт, мы отступаем и от того понимания социального пространства, которое у Бурдьё является конструктом, обобщающим результаты его эмпирических исследований. Отказавшись от привлечения внешних для теории фактов, мы вынуждены оставить за пределами рассмотрения эмпирически обнаружимые позиции Парсонса и Фуко в профессиональных полях США и Франции 1950-70-х⁵. При этом мы сохраняем отправной точкой понятия социального пространства его значение как множества соотносительных позиций, то есть, в конечном счете, как «пространства отношений» [7].

Точнее введение более абстрактно понимаемого социального пространства, наследующего понятию П.Бурдьё, можно обосновать фактом зависимости структуры субъективного опыта от позиции, а следовательно, интереса, его носителя в данном социальном порядке [2,

⁴ Здесь мы опираемся на тезис Р.Барта: «Объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность, или, точнее, ее обязательное выражение — язык... Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык — это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления...» [3]. Барт употребляет «язык» в смысле «речи», дискурсивной практики по определению, обобщению и типизации. Уточняя это широкое определение, наиболее выраженной формой классифицирующей практики можно признать текст социальной теории и рассматривать его как совокупность знаково выраженных отношений власти.

⁵ Одна из попыток дать социологический анализ позиции Фуко, раскрыть ее маргинальный характер в академическом поле и источники признания, содержится в [4]. Пример критического анализа социального содержания работ Парсонса представлен в [5], а также в интервью П.Бурдьё [6].

188-189]. Действительно, с одной стороны, для объяснения того, что такое социальное пространство, мы должны обратиться к субъективному опыту агентов. В отличие от времени, которое есть опыт несамотождественности, пространство — опыт различий, опыт отличия себя от иного или, говоря социологически, своей позиции от чужой⁶. В этом смысле, социальное пространство — конструкт, схема фиксации опыта различения. С другой стороны, в той мере, в какой мы признаем статистические закономерности результатом действия сил, внеположенных индивидуальному опыту, мы, вслед за Дюркгеймом, говорим об обществе как о реальности *sui generis*. Статистические тенденции, социальная структура, а также диффузные и локальные характеристики социальной организации передают необходимую связь социальной реальности с упорядоченностью: социальное необходимо упорядочено, а значит, отношения, на которых основан опыт различения, реальны. Здесь, казалось бы, понятие социального пространства приобретает внутреннюю противоречивость. С одной стороны, это объяснительный конструкт, с другой стороны, объективный порядок социального мира, как если бы тот состоял из вещей: субъект и объект, опыт и его предмет занимают одно и то же место. Можно подозревать, что теоретиком рождаются, и вместе с тем, им нужно стать.

Однако противоречие только видимое. В физическом мире субъект опыта — социальный агент, для которого объектом опыта выступает не-социальное. Опосредование такого объекта опытом совершаемых над ним практических операций оставляет за ним значение «вещи другой природы», которое получает предельную форму в оппозиции мира природы и социального мира в целом. В противоположность этому, опыт взаимодействия с себе подобным есть опыт только «своей природы», которая предпослана агенту необходимо и непосредственно, а потому также является для него объективной. Объекты социального мира образуют с агентом общий причинный ряд, а потому социальный опыт возможен только посредством легитимных категорий перцепции — предзаданный распределением сил, он находится в имманентной связи с порядком, который реален [2, 193-199]. Таким образом, социальное пространство оказывается имманентным условием всякой социальной практики, в том числе суждения, и не имеет места нигде, кроме как в ее конкретной фактичности. Именно в силу имманентности социального пространства любому социальному событию, в силу его практической (в том числе языковой) опосредованности, невозможна фиксация его окончательной, универсальной определенности. Как очевидность, как единственный порядок, оно дано только в представлении, через разнящиеся у обладателей различных позиций категории перцепции или — что составляет предмет нашего интереса — теоретические схемы, опираю-

⁶ П.Рикер в случае, близком нашему (а именно, чтобы выделить базовые элементы повествования), говорит о двух типах идентичности: «*idem*» и «*ipse*». Если первый «заключает в себе некую форму неизменности во времени» (то есть полагает пространство условием отличия себя от не-себя), то второй, «самость» — «лишь определение непрерывности, устойчивости, постоянства во времени» (то есть выделение себя во множестве временных не-я) [8].

щиеся на логику конкуренции точек зрения в неокончательно упорядоченном, частично недетерминированном социальном мире [2, 197]. Текст теории, предстающий инструментом этой конкуренции, важен для нас не столько как результат движения к научному открытию, сколько как продукт осуществления властных стратегий, результат борьбы за производство того или иного представления о социальном мире.

Категория социального пространства в нашем исследовании, таким образом, используется на двух уровнях. На первом мы реконструируем модель пространства, которая позволяет в своих рамках приписывать феномену власти те или иные свойства — можно сказать, это представление о пространстве или социальном порядке, произведенное теорией. На втором уровне мы соотносим выделенную пространственную схему с элементами властных стратегий, чтобы прояснить роль или функцию данного представления в социальном пространстве, в которое включен теоретик. При этом повторим, мы изначально отказываемся от анализа внетекстовых фактов. Опираясь на социологическую доксу, мы отыскиваем в самих текстах отсылки, следы, характеристики, оставленные теоретиками в отношении актуального для них властного порядка, и сопоставляем с теми признаками, которые в каждом случае власть получает как теоретический конструкт. В конечном счете, мы пытаемся выяснить, как тот или иной способ представления власти участвует в ее воспроизводстве. Мы исходим из того, что теоретик, видящий или желающий видеть весь социальный мир закономерно упорядоченным, не может, в силу теоретической логики, допускать одновременно сразу несколько взаимоисключающих форм порядка, например, наличие единой жесткой иерархии всех социальных сфер и их взаимоопосредованное равенство. Категории перцепции, превращенные в теоретическое объяснение, делят мир много более жестко и строго, чем категории обыденного восприятия. Поэтому и определение власти, вытекающее из специфического взгляда теоретика на социальный мир, выражает наиболее полно характеристики социального пространства на первом уровне. Каким может быть этот взгляд, а, точнее, какое пространство задается различными способами теоретического видения?

ЛОГИКА РАЗЛИЧИЯ В ТЕКСТАХ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СХЕМЕ Фуко

Начнем с анализа принципов построения текстов Фуко, опираясь, прежде всего, на те работы, которые использованы нами для реконструкции его представления власти⁷. В силу имманентного характера анализа, о чем говорилось выше, предметом рассмотрения выступает текст, содержащий множество суждений о власти и имплицитно или эксплицитно включаю-

⁷ Работами, которые мы используем для содержательного анализа, а также те, на тексты которых мы распространяем нижеследующие характеристики — это «Воля к знанию»[9] и «Надзирать и наказывать» [10].

щий определенную схему социального пространства. Попробуем сначала прояснить, какие языковые механизмы Фуко использует для производства своей классификации социального мира.

Во-первых, отметим специфику базового словаря Фуко, составленного из терминов «власть», «дискурс», «сексуальность», «пространство», «знание», «стратегия», «тактика» и др. Как и любое множество знаков, которым приписывается терминологический статус, они должны обеспечить фиксацию (терминирование) предметной области (что, собственно, является одной из важнейших функций терминологии вообще). Однако они не приобретают характера категорий, имеющих своим содержанием строго заданные области социального мира. Предметная область задается Фуко путем выстраивания серии дистанцирований, различий и исключений из (от) области уже данных, очевидных, ставших обыденными представлений⁸, и базовые термины в этом контексте становятся знаками с открытым, неокончательным содержанием⁹. Данный способ выстраивания базовой терминологии (предметного поля) имеет ряд взаимосвязанных следствий:

У Фуко термин выступает не как имя «вещи», позитивно определяемой сущности предмета, которая могла бы конституировать его самотождественность («власть как вещь»), но как знак множества отношений, которые не сводимы к какому-то одному, центрирующему, а потому выявляются через описание в ходе конкретных исторических анализов. Определение термина через изменяющийся предметный контекст, то есть зависимость его содержания от локуса дескрипции¹⁰ позволяет в целом квалифицировать терминологический аппарат Фуко как множество поливалентных знаков¹¹, то есть знаков, семантика которых не задается общим однозначным определением (как логической операцией). Поливалентные, не определенные изначально термины приобретают всю полноту содержания только после введения в контекст оппозиций, где их значения, заданные локальными описаниями, связываются с наиболее абстрактными, лишенными предметности схемами по принципу избирательного сродства. Помимо оппозиции «юридическое/аналитическое», посредством которой Фуко, прежде всего, указывает на отличие собственного языка описания от традиционных и при-

⁸ «...Аналитика [власти] может быть конституирована лишь при условии расчистки места и освобождения определенного представления о власти... [—] обыденного представления...» [9, с.181]. Подобный «метод расчистки» применен Фуко и в «Археологии знания» (см., например [11, с.23-32])

⁹ Отсюда вытекает столь характерный для Фуко апофатический способ теоретизирования.

¹⁰ То есть конкретного и ограниченного возможностью непосредственного наблюдения историком (как если бы он был оче-видцем) региона событий.

¹¹ Под поливалентными знаками, в смысле, близком к словоупотреблению самого Фуко или Барта (многозначность) здесь понимаются такие элементы текста (отдельные номинации, терминологические обороты, сложные атрибуции и т.п.), семантика которых не фиксирована однозначно логической операцией определения, а задается вхождением данного знака в различные не сводимые (в плане определения семантики знака) друг к другу контексты. Это лишает знак устойчивой референтной структуры и создает обратимый и противоречивый горизонт его возможных значений (ср. с замечанием Фуко по поводу «тактической поливалентности дискурсов» [9, с.204]).

знанных, на базовом уровне зафиксированы следующие терминологические различия: «обыденный/аналитический дискурс о власти» [9, с.181], «закон/нормализация», «право/контроль», «тайна (как условие приемлемости)/цинизм власти» [9, с.185], «техники власти до XVIII/после XVIII века» [9, с.189], «власть как внешнее/ власть как имманентное прочим отношениям» [9, с.193], «центральная точка/область отношений силы» [9, с.199], «дискурс/стратегия» [9, с.200]. Наряду с ними в тексте ряд оппозиций зафиксирован как множество различий, не являющихся действительными: «подавление/закон», «запрет/цензура» [9, с.180], «власть как отношения силы/власть как общее имя стратегической ситуации» [9, с.193], «знание/власть» [9, с.199], «обладание властью/отправление власти» [10, р.26]¹². Это дробное деление, где наряду с действительными оппозициями (в большинстве своем не дедуцируемыми из классических политфилософских) явным образом эксплицированы ложные, выступает инструментом борьбы за делегитимацию «юридически-дискурсивного», натурализирующего языка описания власти. В отношении традиционной терминологии социальных наук введение подобного механизма терминов фактически означает критику полагающей и объясняющей функции знака, претендующего на универсальность. Путем аналитического разложения «самоочевидной» классификации, легитимирующей традиционно используемый термин, Фуко в ходе исторического описания проблематизирует созданную актом номинации видимость соответствия «социальной вещи» ее привычному имени¹³.

Во-вторых, тексты Фуко совмещают элементы классификации и способы построения, присущие различным символическим областям¹⁴: художественному письму (изобразительность), истории (описательность, введение событийного ряда, элементы которого могут получать четкую хронологическую фиксацию), социологии (апелляция к институциональным определениям, разоблачение и критика обыденного сознания), политэкономии (описание социальных структур на языке «производства», «распределения», «обмена»), философии (критика классической эпистемологии, установление конечных источников многообразия). Установление отношений логического следования и родо-видовые упорядочения, выступающие основой единой классификации (действующей как дедуктивная система), не являются у Фуко базовыми процедурами построения текста. Это вызвано не только отсутствием строгого терминологического аппарата (что само по себе могло бы свидетельствовать только о недостаточной компетентности), но и — что более существенно — самим порождающим

¹² Можно отметить, что многие терминологические оппозиции являются структурно подобными. Таковы, например, «юридически-дискурсивное/аналитическое описание» и «обыденный/аналитический дискурс», а также «закон/ нормализация», «право/контроль» и «центральная точка/область отношений власти».

¹³ Приведем поясняющую основную текст цитату из «Археологии знания», которая звучит почти гуссерлиански: «Необходимо усомниться во всех этих предзаданных общностях, группах, существующих до чистого рассмотрения, чья истинность предполагается с самого начала» [11, с.24].

¹⁴ Здесь и берет начало проблема дисциплинарной спецификации работ Фуко, которая возникает у его интерпретаторов.

принципом вводимой классификации. Социальный мир на теоретическом языке Фуко представлен не в постоянстве предметного основания и не как закон, равномерно разворачивающийся во всех локусах дескрипции: «не существует никакой бинарной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют,— такой, что эта двойственность распространялась бы сверху вниз на все более ограниченные группы, до самых глубин социального тела» [9, с.194]. В основании классификации обнаруживается прерывность (дифференцирующее отношение между свойствами)¹⁵, поэтому можно говорить об отсутствии единой референтной области такого теоретического языка в целом — насколько это вообще возможно в рамках профессионального объяснения социального мира. Разнообразие используемых символических практик, опирающихся на результаты дескрипции, обусловлено разнородностью, разноуровневостью и нерядоположенностью различных областей анализа: между ними «нет никакой дисконтинуальности, как если бы речь шла о двух разных уровнях (одном — микроскопическом, а другом — макроскопическом); но нет между ними также и гомогенности (как если бы один был лишь увеличенной или, наоборот, уменьшенной проекцией другого)...» [9, с.201]. Далее, при рассмотрении феноменальных признаков власти, мы обнаружим, какая референтная область (какое означаемое прерывности) лежит в основе классификации.

Такое построение текста вытекает из задачи, которая определяет работу Фуко над собственным представлением власти: теоретическая структура привычного представления «является тем кодом, в соответствии с которым власть себя предъясвляет и в соответствии с которым, по ее же предписанию, ее нужно мыслить» [9, с.188]. По сути, прерывность, положенная в основу классификации социального мира, делает возможным создание языка описания власти, который не был бы аналитическим (в смысле Канта) по своей структуре, то есть в процессе своего функционирования не породил бы тавтологических высказываний. Даже если изначально базовая терминология опирается на интуитивно доступные смыслы, то в результате ряда дистанцирований и разрывов, определения терминов через оппозиции, ссылающихся на структурное подобие множества локусов дескрипции, конечное социальное объяснение оказывается построенным от противного. Оно является зависимым от самоманифестации политической власти, обыденного ее понимания, и, одновременно, направленным против нее.

В целом, опираясь на указанные особенности описания власти в тексте Фуко, мы можем характеризовать его построение такое, в котором критика разворачивается в трех направлениях: разоблачение обыденного представления о власти (власть, понимаемая традиционно, то есть так, как она саму себя предъясвляет), что для Фуко равносильно «деконструкции» языка самоописания власти (тем самым Фуко наделяет собственный язык политической

¹⁵ В отличие от предметности как совокупности вещественных свойств или объединяющего их свойства субстанции.

функцией); выявление исторических условий его возможности (путем раскрытия исторического генезиса ставшего очевидным представления о власти [9, с.186-191]); установление новых условий описания и понимания власти [9, с.192] (то есть построение новой классификации социального мира, разрывающей с «юридически-дискурсивными», наследующими прозрачности и видимому тождеству власти представлению о ней): «Речь идет, таким образом, о том, чтобы, создавая другую теорию власти, образовать одновременно и другую сетку для исторической дешифровки; и, рассматривая сколько-нибудь тщательно исторический материал, мало-помалу продвигаться к другому пониманию власти» [9, с.191]. Ввиду этих задач теоретическое объяснение Фуко предстает классификацией неочевидного строения власти, власти в каждом конкретном локусе [9, с.194; 198], и одновременно конкуренцией с существующей юридически-дискурсивной моделью «Власти», господствующим представлением о едином и непрерывном механизме правового господства [9, с.197-99] — то есть борьбой представлений, ставкой в которой являются они сами.

В силу автономного характера этой борьбы не молчать о власти и не производить представления, вписывающегося в ее самопредставление, означает у Фуко создавать объяснение, противостоящее очевидной, «юридической» модели. Стремясь обнаружить основания социального мира, не приемлемые в его самопредставлении, Фуко оказывается в роли пророка, который изменяет мир посредством сообщения новой, основополагающей истины о нем. Как на терминологическом уровне, когда речь идет о разграничении действующих и недействительных оппозиций, так и на уровне критики очевидности «Власти», предельной оппозицией, в рамках которой производятся все сопоставления и противопоставления, оказывается «реальная локальная власть/ложная, скрывающая реальную, всеобщая Власть». Локальная власть, определяющие черты которой будут рассмотрены далее, являет собой полюс истинного, которому противостоит в основании классификации полюс ложного, претендующего на истинность. Именно ввиду окончательного определения истины, точнее, способа действия по отношению к ее скрытости (возвращение ее в социальный мир), мы вправе говорить о стратегии Фуко-теоретика как пророческой. В ее рамках внешне неупорядоченное использование различных профессиональных классификаций, игра на поливалентности знаков, художественная образность имеют целью произвести текст, не говорящий не о власти — исключаяющий себя из существующего порядка путем исключения теоретического (логического) порядка из себя самого.

—

В силу указанных оснований в работах М.Фуко нельзя найти законченной, систематически разработанной теории власти. Сам Фуко предпочитает говорить не о теории, а об аналитике власти. Впрочем, последовательного терминологического различения «теории» и «аналити-

ки» он не производит. Введение власти в горизонт теоретизирования (вернее сказать, аналитики), полагание ее позитивных, а также негативных определенностей осуществляются им ввиду анализов конкретных локусов дескрипции: «Итак, будем отправляться от того, что можно назвать «локальными очагами» власти-знания, такими, например, отношениями как отношения завязывающиеся между кающимся грешником и исповедником, или между верующим и наставником» [9, с.199]. При этом, уровень локальных дескрипций и уровень отношений структурного подобия не связаны здесь никакими посредующими звеньями, существование которых могло бы указывать на допущение Фуко единого, доступного полному охвату наблюдаемого пространства. Критика единого пространства как протяженной «всеобщей вещи» (*res extensa*) отчетливо выступает в следующем апофатическом определении: «Властью я называю не «Власть» как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-то государстве ... Я не имею в виду и всеобщую систему господства, результаты которого через ряд последовательных действий пронизывали бы все социальное тело ... Условие возможности власти... не следует искать в изначальном существовании некой центральной точки, в каком-то одном очаге суверенности, из которого расходились бы лучами производные и происходящие из него формы; таким условием является подвижная платформа отношений силы, которые индуцируют, благодаря их неравенству, властные состояния, всегда, однако, локальные и нестабильные» [9, с.191-193]. Таким образом, референтной областью прерывности, лежащей в основании классификации социального мира, являются отношения силы. «Социальное тело», классифицируемое через их неоднородную множественность, не приобретает каких-либо окончательных основополагающих свойств. Заданное через оппозицию «центральная точка/подвижная платформа», оно оказывается условным телом, составленным не «социальными вещами», но множеством отношений. И здесь можно наблюдать явное соответствие между зафиксированной ранее критической функцией термина в тексте Фуко и отказом от догмата о пространственной однородности социального мира¹⁶.

Помимо «микрокапилляров», образно представимых именно в пределах единого «социального тела», какими характеристиками обладает социальное пространство, реконструируемое путем «установления специфической области, которую образуют отношения власти» [9, с.181]? Уже в способе контекстуального задания первоначальных характеристик власти можно отметить ее обращенность на себя: власть скрывает значительную часть *себя* [9, с.186], формой приемлемости власти является запрет [9, с.186] (запрет — форма представле-

¹⁶ В этом определении второе вхождение термина «власть» (с большой буквы и закавыченное) превращает его в знак метаязыка, охватывающего как уровень традиционных представлений, так и уровень их критики. С одной стороны, это позволяет Фуко вести игру на двойственности значения «власти». С другой стороны, явное задание границы, отделяющей «власть» от ««Власти»», само выступает в качестве процедуры аналитики, предваряющей анализ «микрофизики» власти на базе локальных исторических дескрипций.

ния *себя* инстанциями политической власти [9, с.186]), власть взяла на *себя* заботу о жизни людей «как живых тел» [9, с.189]. Власть, лишенная признаков «вещи», участвующей в «играх» присвоения, обмена, распределения [9, с.194], не является и свойством, которое может «принадлежать» или быть атрибутировано конкретному социальному агенту, классу или группе [10, р.26]. Она оказывается отношением с самим собой, то есть самореферентным событием, говорящим о себе и себя представляющим¹⁷. Самоотнесенность «области отношений власти» превращает ее в субстанцию, которая сохраняет основной атрибут *causae sui*: оставаясь замкнутой на себя, она является «действующим отношением» [9, с.194]¹⁸.

Но, как мы уже отмечали, эта субстанция лишена качественной однородности, а также прозрачности и, тем более, какой-либо телеологической предзаданности: в доведенной до конца номиналистской логике власть в одном из определений оказывается не более, чем именем «сложной стратегической ситуации в данном обществе» [9, с.193]. Мы сталкиваемся с явным парадоксом, в рамках которого совмещается реальность власти и ее отсутствие. В действительности, противоречивое указание свойств власти имеет самую прямую связь с пространственной схемой, лежащей в основе такого описания социального мира. На уровне эксплицитных определений «власти» этот парадокс проявляется еще более остро: власть, будучи субстанцией, теряет свою самоидентичность.

С одной стороны, власть — это «множественные отношения силы, которые имманентны области, где они осуществляются и которые конститутивны для ее организации» [9, с.192]. Власть, как отношение, здесь получает также область актуализации. Власть воплощается, принимает ту или иную конкретную форму, оставаясь в предельном значении только «множеством отношений силы», то есть сложившимся, актуальным порядком в его очевидности. Тут же содержание термина «власть» дополняется повторным вхождением термина¹⁹, подтверждающим самореферентный характер феномена: под властью следует понимать «игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их [отношения силы] трансформирует» [9, с.192]. То есть область отношений власти совпадает с областью отношений силы, а власть предстает игрой, которая их (то есть себя) трансформирует. В данном случае оба определения власти даны не через различие власти от не-власти, но и не через отождествление с чем-то другим — через тождество ее с самой собою. Таким образом, избегнув

¹⁷ Ж.Делез, представляя тезис Фуко о власти как силе (о чем пойдет речь далее), отмечает, что из самого происхождения силы как внешнего проистекает «отношение силы к самой себе, способность ее воздействия на саму себя, воздействие самости на самость» [12, с.132].

¹⁸ Исходное определение субстанции у Спинозы звучит следующим образом: «Под субстанцией я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т.е. то, что не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться» [13, с.589]. Особого внимания заслуживает то факт, что у Фуко воспроизводится не только определение существования субстанции через себя, но и ее представления через себя, которое принимает форму «юридически-дискурсивного» понимания политической власти.

¹⁹ Определение «власти как силы» осуществляется в логике, уже нами охарактеризованной: «власть» функционирует как знак, описывающий область самоманифестации феномена, и, одновременно, как знак метауровня.

точной терминологически фиксации предмета, Фуко воспроизводит определение субстанции: сила в изменении тождественна себе.

С другой стороны, если Фуко, вслед за Спинозой, последовал бы субстанциалистской логике описания эманаций Бога-природы, мы обнаружили бы, что различные области-локусы актуализации силы относятся к ней как модусы²⁰. Тогда как Фуко утверждает прямо противоположное. Раскрывая номиналистский тезис «власть — только имя», он говорит: «Власть повсюду не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит. И «власть» — в том, что в ней есть постоянного, повторяющегося, инертного и самовоспроизводящегося, — является только совокупным эффектом, который вырисовывается из всех флуктуаций...» [9, с.192]. Этим он утверждает прямо противоположное субстанциальной логике, выраженной Спинозой в тезисе: «...Только он один [Бог] существует и действует по одной лишь необходимости своей природы ... следовательно, только он один и есть свободная причина» [13, с.606]. Валентность знака «власть» инверсируется: из конечного условия упорядоченности всякой социальной области власть превращается в ее собирательную характеристику. В качестве основы самождественности, условия того, что под «властью» понимается то же, что и прежде, сохраняется только ее имманентность²¹. Потерявшая роль генетической первоосновы множества локусов социального мира, «власть» становится именем структуры каждого из них, где имманентность различным областям оказывается не результатом ее сущностного превосходства, но следствием подобия всех социальных упорядочений.

Таким образом, на уровне предельных дефиниций власть оказывается одновременно источником и результатом: оставаясь в рамках наиболее открытого и неопределенного значения, «власть» обозначает субстанцию, которая не имеет причины в себе самой: «Отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений, но имманентны им; они являются непосредственными эффектами разделений, неравенств и неуравновешенностей, которые там производятся; и, наоборот, они являются внутренним условием этих дифференциаций» [9, с.194]. Как это возможно, какая пространственная схема могла бы удовлетворять такому описанию? Воспользуемся в качестве вспомогательной метафоры определением из работы по теории множеств и общей топологии:

²⁰ «Под модусом я разумею состояние субстанции (*Substantiae affectio*), иными словами то, что существует в другом и представляется через другое» [13, с. 589].

²¹ При этом, признак имманентности устойчиво воспроизводится в характеристике власти: точки власти как имманентные обществу [9, с.193], отношения власти как имманентные другим социальным отношениям [9, с.194], сопротивление как имманентное власти [9, с.196], точки сопротивления как имманентные отношениям власти («неустрашимое визави») [9, с.197], власть имманентная телу (то есть другим областям отношений) [9, с.200].

«Ввести в какое-либо множество X открытую топологию — значит выделить некоторое семейство \mathfrak{S} подмножеств множества X таким образом, чтобы выполнялись следующие условия:

$I_{\mathfrak{S}}$. Все множество X , а также пустое множество Λ суть элементы семейства \mathfrak{S} .

$II_{\mathfrak{S}}$. Объединение любого числа и пересечение конечного числа множеств, являющихся элементами семейства \mathfrak{S} , суть элементы семейства \mathfrak{S} .

Множество с введенной в него открытой топологией \mathfrak{S} называется *топологическим пространством* (X, \mathfrak{S}) , элементы самого множества X называются *точками* пространства (X, \mathfrak{S}) , а множества, являющиеся элементами семейства \mathfrak{S} , называются *открытыми множествами* пространства (X, \mathfrak{S}) » [14].

Опираясь на уже приведенные характеристики власти, мы можем отметить структурное подобие между математическим определением топологии и свойствами пространства, предполагаемого описанием Фуко. Попытаемся произвести ряд сопоставлений между математическим определением и развернутой характеристикой отношений власти. Если в качестве исходной для Фуко выступает самоманифестация политической власти, какой она дана в обыденном или «юридически-дискурсивном» представлении (множество X), то предметом аналитики, как мы показали выше, оказываются «множественные отношения силы», которые вытекают из свойств конкретной области и, одновременно, выступают ее порядком (\mathfrak{S}). При этом, релевантное аналитике содержание термина «власть» охватывает также множество представлений, обозначенных Фуко ««Властью»» ($I_{\mathfrak{S}}$). Результатом аналитики оказывается такое описание социального пространства, где «условием власти ... является подвижная платформа отношений силы, которые индуцируют постоянно ... властные состояния, всегда, однако, локальные и нестабильные» [9, с.193] — то есть своего рода социальная топология, реконструированная исследователем на основании порядка, произведенного политической властью ($II_{\mathfrak{S}}$). Это пространство обладает тем свойством, что власть «производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, — в любом отношении от одной точке к другой» [9, с.193] (топологическое пространство (X, \mathfrak{S})).

Таким образом, схема социального мира у Фуко оказывается подобной схеме топологического пространства, в котором множество отношений \mathfrak{S} не только самореферентно, но и предполагает возможность выделения открытых множеств (X, \mathfrak{S}) : условием власти является сила (власть), которая производит власть (властные состояния) и не существует гетерогенной, детерминирующей ее точки (или области) определения власти «как таковой» (будь то суверенитет государства, право, социальный агент и т.д.) [9, с.193]. Собственно, эта неопределенность (и вместе с тем, предельная автономия), зафиксированная у Фуко также на уров-

не терминологии, является исходной для него как аналитика власти: во властные отношения оказывается вовлечен он сам, едва заявив о намерении или способности определять власть. Игра, каковою предстает власть, будучи принципиально автономным процессом, позволяет теоретику элиминировать из анализа фигуру Закона и ввести себя самого, установив, что, в зависимости от точки наблюдения и предпосланного теоретическому описанию интереса, социальная топология будет приобретать различные очертания, приближаясь или отдаляясь от уже существующей саморепрезентации «Власти». В этом случае именно выявление различных, не сводимых друг другу порядков власти (то есть его собственное описание социального мира), противостоящее конституированию однородного и универсального «Порядка Власти», становится политической ставкой Фуко. Там, где «Власть» в самоманифестации предполагает тождество, выступающее формой ее самосокрытия, аналитика власти призвана выявлять различия.

Критикуемое Фуко самопредставление политической власти состоит в том, что «... власть действует якобы всегда единым и всеохватывающим образом ... от государства до семьи, от государя до отца, от трибунала до разменной монеты обыденных наказаний, от инстанций социального подчинения до структур, конститутивных для самого субъекта, — *одна и та же ... всеобщая форма власти* [курсив наш — А.Б. и С.Г.]» [9, с.184]. В логике описания социального мира через его качественную неоднородность, которая вытекает из заинтересованного характера знания, Фуко вводит подобную визуальной метафору власти: «... Точки сопротивления присутствуют повсюду в сети власти... Они являются другим полюсом внутри отношений власти... Чаще всего имеют дело с блуждающими точками сопротивления, которые вносят в общество перемещающиеся расслоения, разбивают единства и вызывают перегруппировки... Рой точек сопротивления пронизывает социальные стратификации и индивидные единства» [9, с.196-97]. Здесь разрыв с принципом смежности тел в рамках физической, интуитивно доступной модели пространства мы обнаруживаем во взаимном определении власти и «точек сопротивления», в котором, с одной стороны, власть — «строгая функция множественности точек сопротивления» [9, с.196], с другой, сами эти точки приобретают свою определенность только в области отношений власти (как «другой полюс» внутри нее). Взаимной несводимостью элементообразующих свойств пространства, в которой каждый предоставляет место другому, окончательно разрушается устойчивость оппозиции «первичное/вторичное» или «внешнее/внутреннее», свойственной физической модели²². То есть тому представлению о социальном пространстве, в котором находит свое выражение «Власть» как единое и унифицирующее основание. «Целое социальное тело» [9, с.194] не

²² О чем Ж.Делез пишет как о сущностном признаке способа теоретизирования Фуко: «любое пространство внутреннего, с точки зрения топологии, соприкасается с пространством внешнего, независимо от расстояний вблизи пределов «живущего»...» [12, с.155].

предполагает всеобщей упорядоченности: «пропитанное» сетью властных отношений, оно состоит из пульсирующих и блуждающих точек, конституирующих власть и конституируемых ею.

Разрыв с моделью прозрачного и повсеместно доступного для наблюдения социального пространства, осуществленный в рамках аппарата классификации и в отношении предмета аналитики, позволяет Фуко позиционироваться на полюсе автономного (независимого, прежде всего, от политического) производства представлений. Топологическая пространственная схема здесь выступает в качестве гарантии нередуцируемости результатов аналитической классификации к самоманифестациям институционального политического порядка. Ставкой во властном взаимодействии для Фуко выступает описание/объяснение социального мира, разрывающее с традиционным правовым («юридическим») представлением, фиксацию которого он относит к XVIII веку. Ценой этого разрыва становится невозможность использования субстанциалистской, наследующей новоевропейской метафизике, логики теоретизирования. Задание пространственной неоднородности власти, вплоть до уровня образности, позволяет Фуко в конечном счете в противовес «праву» определить власть как «стратегии» [9, с.204] — отношение без операндов «чьи» и «по отношению к кому».

ЛОГИКА ТОЖДЕСТВА В ТЕКСТЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СХЕМЕ ПАРСОНСА

Выделив в построении Фуко модель, где власть предстает рассеянным и, вместе с тем, повсеместным отношением, описанным через отнесенность к себе, обратимся к тексту и схематике теоретических работ Парсонса. Анализируя его работы ввиду понимания текста как означенных властных отношений, мы обнаруживаем следующие особенности:

Во-первых, формально исходной в тексте выступает аргументация и терминология, заимствованная из естественных наук, прежде всего, классической механики, кибернетики, биологии. Конечное объяснение при помощи универсалий «система», «функция», «роль» производится через условные конструкции «мы сравнили бы ... с ... как она понимается в...», «в этом смысле ... аналогично ...» и подобные, неявно допускающие описание специфически социального посредством отсылки к корпусу знания, объясняющего не-социальное: «Всякая социальная система есть функциональное единство ... В этом смысле она аналогична организму» [15, р.143]. Эти конструкции, используемые при построении текста теории, объединяет модальность «как если бы», несмотря на то, что референтом входящего в них термина в каждом случае заявляется та или иная эмпирически ограниченная область социального мира (политика, экономика и т.д.). Отсылая таким образом к точным наукам, Парсонс использует наиболее широкие представления о физической реальности, которые не яв-

ляются строго научными, то есть не описывают мир в соответствии с его физической моделью, но предстают резюмирующими метафорами всякой функции, всякой системы, всякого кибернетического устройства. Заимствуя и нестрого используя язык наук о природе для описания социального, Парсонс не предлагает свою классификацию в качестве инструмента анализа физических условий не-физического, но присваивает своей теории статус научной, легитимируя ее через признанный в естественных науках понятийный ряд.

Именно потому, что предельные категории объяснения являются одновременно метафорами, заимствуемыми из «чужого» корпуса знания в модальности «как если бы», в тексте они заданы конвенционально, вне проблематизации их соответствия реальному строению социального мира: «Власть может, для настоящих целей, пониматься как...» [16, р. 224]. Для текста Фуко, как мы отмечали выше, характерно выстраивание оппозиций, посредством которых производится проблематизация, то есть отказ от простой классификации через перечисление имен. В тексте Парсонса отчетлива обратная тенденция: сведение через условные конструкции категорий одного рода знания к категориям другой — то есть попытка создания единой и непротиворечивой классификации, охватывающей собою «всякую систему».

Во-вторых, если у Фуко мы сталкиваемся с явным противопоставлением различных способов описания власти, среди которых он явным образом указывает на отличие собственного, в тексте Парсонса обнаруживается прямо противоположная операция над корпусом актуальных представлений. Определение власти, точнее, границы понятия власти существенно размываются в тексте, который настаивает на истинности различных способов ее определения, имеющих общий «центральный (core) комплекс смыслов» в рамках «великой Западной традиции мысли о политических явлениях» [17, р.298], способов, отличающихся только в деталях, но истинных *in concreto*. Цель статьи «О понятии политической власти» заявляется как «попытка прояснить этот комплекс смыслов и отношений путем помещения понятия власти в контекст общей понятийной схемы анализа обширных и сложных социальных систем, то есть обществ» [17, р.298]. Через удвоение, в контексте «общей понятийной схемы», общего основания в понимании «власти» производится попытка представить уже не только универсальную классификацию для «всякой системы» (общество — ее частный случай), но и классификацию классификаций, которая, как и прежняя, внутренне непротиворечивым образом сочетала бы в себе разнообразные имена власти. В тексте, определенном этой целью, понятие, освященное «великой традицией», не разлагается на составляющие, но принимается «как есть» — как общность смыслов, в пределе тождественных не только истине священной традиции, но и обществу, частью истории которого эта традиция является. В контексте властной стратегии теоретика этот ход приобретает то же значение, что и в предшествующем случае — легитимация через существующую традицию. Но если ранее социальное объясне-

ние легитимировалось через не-социальное, то теперь конкретная интерпретация приобретает вес через ссылку на все предшествующее и признанное «великим» в области социальных дисциплин. При смене предметной области и формы заимствования мы фиксируем тот же властный ход: отсылка к авторитету, отождествление себя с ним.

В отличие от Фуко, в тексте которого из разрыва с самописанием политической власти возникает новое синтетическое определение, Парсонс принимает в качестве понятия сложный и противоречивый, но полагаемый самоотжественным комплекс легитимных представлений «Западной мысли», тавтологию «власть есть власть, как ее понимают все [великие]», которая никак не отграничена от самоочевидности политического господства, произведенной в его рамках. Таким образом, текст теории власти воспроизводит структуру непротиворечивой классификации классификаций, порождающей основой которой выступает нерелексуремая, но легитимная терминологическая конвенция.

В-третьих, и именно из-за этой неразличимости множества смыслов в одном «центральном» термине, оппозициональная структура текста ориентирована не на исторические или социальные различия, но на деления и различия внутри классифицирующего понятия «власть», разворачивающегося в логике тождества (ниже это положение мы поясним образцами из работ Парсонса). Текст приобретает самодостаточность, продолжаясь как описание и уточнение самого себя: если у Фуко автономной предстает референтная область знака «власть», то у Парсонса автономной предстает сама номинативная классификация. Однако помимо «бесплодной игры в понятия»²³ текст воспроизводит ряд содержательных определений власти, даваемых в том числе через примеры и пояснения. Источник этой качественной специфики, отраженной в ряде оппозиций текста, следует искать в том, что есть общего у конвенционально объединяемых представлений. Поскольку социально-теоретическая классификация, как было отмечено выше, оказывается сводимой к обыденной и политической очевидности, содержательные оппозиции оказываются простой аналогией. Они повторяют строение взятого в своей непосредственной (то есть политически предзаданной) данности социального мира и оказываются, таким образом, категориями здравого смысла, которым приданы другие знаки-имена²⁴.

Таковы, например, «права/обязанности»: «Юридические нормы... управляют распределением размещением прав и обязанностей, благ и поощрений...» [19, р.163]. Права и обязанности оказываются, как и в случае самого определения «власти», не предметами анализа, но базовыми конвенциями обыденного восприятия, объектами, взятыми в своей непосред-

²³ Критикуя стиль объяснения Парсонса, Ч.Миллс дает ему следующую характеристику: «Представители «Высокой теории» настолько поглощены синтаксическими построениями и мало заботятся о соотношении их семантики с реальностью, настолько жестко ограничивают себя высокими уровнями абстракции, что их «типологии», и вся работа по их построению, представляется скорее бесплодной игрой в понятия...» [5, с.46].

²⁴ Ср. это с характеристикой подобного стиля теоретизирования как переименования, данной Хомансом [18].

ственной очевидности²⁵. В целом, оппозициональные деления вводятся как неявные политические оппозиции («всякое общество/??»²⁶), («власть/сила» [21, p.266; 313], «позитивные/негативные санкции» [17, p.310]) или как произвольная смысловая дифференциация («сила/насиле» [16, p.265], «полития/правительство» [16, p.315], «пропаганда/убеждение» [15, p.143]). Особенно отчетливо обыденный и политический характер исходных содержательных делений открывает язык примеров, в которых системные термины напрямую соотносятся с политической лексикой («мотивация широких слоев населения», «период холодной войны», «быстро меняющаяся ситуация», «мировое лидерство», «изоляциялизм», «маккартизм» [19, p.161]) или с повседневными классификациями (удержание — арест, наказание — штраф за неправильную парковку, демонстрация — запугивание [21, p.267-8]). Обнаруженные элементы стратегии наименования позволяют видеть, что и в случае с примерами исходной для социологического объяснения власти оказывается легитимная извне точка зрения, которая теоретическое описание отождествляет с обыденным (политическим). Как и в первых двух случаях, легитимация собственного объяснения в тексте производится Парсонсом через авторитет внешней инстанции.

В силу внешней легитимности построений, наиболее общим в логике отождествления остается противопоставление системы в целом (единой классификации классификаций) любого рода различиям (как множеству частных). Априорное допущение единства социального мира, довлеющее языку его описания, в конечном счете превращает текст в пространство игры всеобщности/произвольности суждений, в которых социальный мир предстает неизменно тождественным своей системной классификации, а изменения и дополнения классификации — тождественным себе уточнением. В этой игре правила классификации всегда оказываются монополией теоретика, наблюдателя, который благодаря позиции *над* и *вне* описываемого мира присваивает исключительное право представлять его в целом, говорить от его имени. Если мы обозначили способ классификации социального мира Фуко как пророческий, исходя из его отношения к оппозиции «скрытая истина/ложь (не-истина), манифестирующая себя истиной», то по тому же основанию стратегия Парсонса может быть обозначена как жреческая. Центральной для нее является допущение предпосланной, всегда существующей истины (в данном случае, это истина «великой Западной традиции»), которая ну-

²⁵ Точно так же, в контексте рассмотрения социальной роли института, в «естественной» перспективе рассматриваются общие права/обязательства в отношении действий, ожидаемых другими [20, p.121], блага (facilities)/вознаграждения (к числу которых относится и власть), престиж [20, p.124], деньги/власть ([20, p.125] и [16, p.227]).

²⁶ Описывая социальные системы, Парсонс нередко апеллирует к «современному», «либеральному» [21, p.282], «экономически продвинутому» [21, p.284], «высокодифференцированному», ([21, p.224] и [19, p.163], обществу, перенося его характеристики на «всякое общество». «Всякое», таким образом, наполняется содержанием как «современное», и возможные оппозиции «современное/традиционное», «всякое/конкретное» трансформируются в неразличимую цепь отождествлений, в которой речь идет одновременно о функционировании любой общественной системы и о США, обычно приводимых в качестве примера при описании функционирования политической подсистемы.

ждается только в дальнейшем истолковании и разъяснении. Действующей оппозицией этой стратегии оказывается «верное/неверное истолкование истины», в рамках которой ведется полемика о недостаточно полном представлении о власти как игре с нулевой суммой (согласно Парсонсу, в действительности, с ненулевой) [17, p.299; 337-44] или о «власти», не тождественной «силе» [21, p.266] — тогда как сами основания подобных различий (количественная измеримость власти, восходящая к утилитаризму Бентама, или возможность видеть отличие «грубой силы» от институционализированной власти [17, p.313]) никак не обосновываются и не проблематизируются, поскольку предстают очевидными, интуитивно доступными теоретику.

Как и у Фуко, в тексте Парсонса совмещаются элементы классификации и способы построения различных символических областей, которые задают свойства произведенной им классификации социального мира. Однако они играют существенно отличную роль в структуре окончательной классификации. Доминирующие в тексте Парсонса естественнонаучные терминология и схемы причинности по аналогии с естественной имеют источником научно и политически признанное господство над природой, а значит, над условиями социальной организации — что придает самому его построению, наследующему легитимным источникам господства, легитимный характер²⁷. Через опору на истину традиции легитимируется частное видение феномена власти, и, наконец, обыденный здравый смысл в основе теоретического объяснения служит залогом его успеха у непрофессионала (у Фуко последней цели служит художественность изложения). И если Фуко производит в тексте прежде всего последовательность (пророческих) различий истинного понимания власти от неистинного, то у Парсонса множество легитимированных извне представлений, маскируемых модальностью «как если бы», отождествляется на базе системного, наиболее общего, в котором имя события является его определением. Наиболее общая социальная классификация, образуемая на основе словаря: «роль», «ожидания», «функция», «система», «структура», «правомерный» — гарантирует истинное понимание социального мира и власти именно в силу наибольшей абстрактности, вмещающей по условиям игры всеобщности/произвольности любой набор тезисов. Текст, претендующий на представление монопольного взгляда, на высшую власть наблюдателя над реальностью, оказывается наиболее полно подчинен ее простым самоманифестациям. Властный интерес теоретика не позволяет обнаружить эту несамодостаточность жреческой речи — теория Парсонса стремится представить весь социальный мир как самотождественный и тождественный его теоретическому описанию. И одним из наиболее явных «жреческих» атрибутов выступает множество размещенных в работах графических схем, редуцирующих общество, обмен, власть к их наглядным изображениям, которые заставляют вос-

²⁷ Благодарим Ю.Л. Качанова, результатом внимания которого к настоящему тексту явилась эта формулировка.

принимать сам текст теории только как комментарий к образам, возникающим перед «всевидящим глазом» наблюдателя.

—

Теперь мы возвращаемся к основному вопросу: какая схема социального пространства соответствует описанному построению текста? Как пространственно конструируется власть посредством классификации, которая представляет преимущественно самое себя и легитимирована внешними источниками деления и видения социального мира? Начнем анализ с определений власти, которые дает Парсонс. Как и в случае с работами Фуко, мы должны будем реконструировать пространственную схему, так как и у Парсонса мы не обнаружим ее эксплицитной формулировки.

Исходное по простоте определение власти, освященное «великой традицией Запада», мы обнаруживаем в формуле власти как чистой способности и субъективного произвола — «способности добиться реализации желаемого (to get things done)» [16, p.225]. Его инвариантом выступает пере-определение власти на системном языке: «способность социальной системы мобилизовать ресурсы для достижения коллективных целей» [16, p.225]. Существенное, хотя и незаметно произведенное отличие второй формулы состоит в замене произвола субъекта объективной телеологией, которая делает властную волю неслучайной. В этой логике закономерным третьим шагом оказывается власть как «способность социальной системы добиться реализации результата (to get things done) в ее коллективных интересах» [16, p.225]. Вопрос власти как произвола окончательно устранен тем, что обладание волей и вообще свойства субъекта перенесены на систему: она добивается, она имеет свои интересы, она желает. Социология превращается в анализ единственного субъекта — системы, а теория власти — в описание системной воли, в конечном счете, во «власть в моем смысле» [17, p.308], не нуждающуюся в эмпирических коррелятах и получающую реальность только в рамках понятия системы. Социальное пространство оказывается тождественным пространству системы.

Принципиально иным предметным пониманием власти выступает ее определение по аналогии с деньгами. Если в первом случае власть — воля, то здесь она — средство: «Власть... циркулирующее средство обращения (medium), аналогичное деньгам, в пределах того, что называется политической системой, но в особенности за пределами ее границ, внутрь трех остальных смежных функциональных подсистем общества...» [17, p.306]. В контексте отождествления экономического и политического анализа базовыми связками оказываются «власть — деньги», «золото — сила» [17, p.299-304]²⁸. Посредством аналогии

²⁸ А также ряд оппозиций, производящих частичное растождествление, но не изменяющих основного способа теоретизирования через аналогию власти и денег: {собственность ≠ деньги} ≡ {власть ≠ властный авторитет} [17, p. 319-20], «иерархический характер системной власти/линейный численный характер богатства и денежно-

контекстуально задается определение власти как обладания — власти, которую можно «тратить», «обменивать», которой можно распоряжаться [21, р. 279-80]. Данное понимание утверждает тождество условий возможности и метода наук об экономике и политике [17, р.299] и тождество власти и денег в едином основании — системном контроле. Пространственно власть определяется как вещь (*res extensa*), занимающая место, имеющая границы, смежная по ним с другими вещами в рамках системы.

Вместе с тем, в пространство системы власть вписывается как «обобщенное средство принуждения» [21, р.278], что делает инструментальное определение власти «как если бы» сводимым к определению телеологическому. Система оказывается носителем не только воли, но и своеобразной рассудочности, результатом которой становится набор эффективных средств принуждения. Наделение системы рассудочностью явственно проступает в метафоре органической сферы, которую словно бы выбирает функция для своего размещения. Например, функция интеграции высокодифференцированного общества «преимущественно сосредоточивается в его системе юридических норм и инстанциях, связанных с ее управлением, прежде всего, судах и юридических профессиях» [15, р.163]. А что касается власти, то «в современном дифференцированном обществе наиболее важными «производителями» власти ... являются те, кто занимает ответственные позиции ... в федеральном правительстве» [16, р.225]²⁹. Власть приписывается не только протяженность и ограниченность в рамках системы (свойства *res extensa*), но и функциональное назначение, вытекающее из атрибуции рассудочности системе в целом (свойства *res cogitans*). Пространство системы, в котором взгляду Парсонса открывается власть, приобретает двойственные характеристики: власть используется системой как вещь, ее тождество деньгам (не-власти) составляет условие ее инструментализуемости; здесь же на власть, как на часть системы, неявно переносится признак рассудочности (в той мере, в какой она — самостоятельная вещь, она *res cogitans*). В отличие от Фуко, который подрывает субстанциалистскую логику изнутри, вводя несамодостаточность самодостаточной власти, Парсонс субстанциализирует систему по двум основаниям (как *res extensa* и *res cogitans*), приближая ее в пределе к постулату Спинозы: «Кроме Бога никакая субстанция не может ни существовать, ни быть представляема» [13, с.600]. И этой субстанцией оказывается система, мыслящая себя во взгляде теоретика.

Наконец, определение, в котором эта двойственность получает синтетическое разрешение, власть приобретает в контексте имплицитного тождества «политическая система — государственные институты», в связи с различием «власть/сила», где первой атрибутиру-

го имущества» [17, р. 327], «экономическая полезность/политическая эффективность» [17, р.337].

²⁹ Особенно стоит отметить, что слово «производители» здесь дано в кавычках, как метафора проблематизирующего термина, принимающего в кавычках обратный, то есть натурализующий, смысл. При этом мы помним, что под «высоккодифференцированным обществом» у Парсонса подразумеваются США — что весьма недвусмысленно указывает на политическое измерение подобного телеологического универсализма.

ется зависимость от системы институционального порядка (власть отождествляется с целью через «институциональную систему ценностей»), а второй — независимость от таковых, в рамках которых она понимается как крайнее средство принуждения [17, р.313]. Представляя отправление власти как превентивный в отношении нежелательных действий механизм, а силу как «последний аргумент», Парсонс превращает любое властвующее «я» в субъект, в котором обнаруживаются знакомые черты «государственного органа», распоряжающегося этой силой. Подобно тому, как действующим субъектом оказывается система в целом, субъект власти, любое «я», «будь то индивид или организованная общность» [21, р.266], оказывается эвфемизмом, скрывающим веберовское определение государства. К числу определений власти по аналогии добавляется «институт» и «государство». Гомогенизированное ими социальное пространство — пространство системы — окончательно становится единой субстанцией, в которой исчезает различие *res extensa/res cogitans*³⁰, а инструмент самовоплощения субстанции (институты вообще и государство в частности) становится ее атрибутом.

Здесь мы обнаруживаем полное соответствие власти, обладающей институциональным «центром» и способностью унифицирующего воздействия на общество, «юридически-дискурсивной» модели, выступающей объектом критики Фуко. Это соответствие со всей отчетливостью обнаруживает проблему диспаритета теоретических классификаций, которая с самого начала присутствовала в предпринятом нами рассмотрении: язык аналитики Фуко предоставляет место в социальном мире также теоретику, включая Парсонса, производящего «теорию Власти»; между тем, в языке последнего отсутствуют специализированные средства описания и объяснения заинтересованной позиции теоретика и ее воздействия на символический порядок. В крайнем случае, «социолог» оказывается одной из институциональных ролей, содержание которой не является определяющей для содержания его теории — тогда как Фуко, напротив, предлагает рассматривать дискурс знания в качестве поливалентного элемента властной стратегии [9, с.204], связывая его использование с характером властного интереса. В силу такого диспаритета и ввиду принятых нами задач и языка исследования (генетически близких к таковым Фуко), мы с самого начала способны говорить о Парсонсе на языке Фуко, но не наоборот. Очевидно, что и критические импликации, и невнимание к роли Парсонса в истории социологии, мы наследуем в рамках анализа властной обусловленности знания. Произнося имена П.Бурдьё, из чьего понимания социального пространства мы исходим, и М.Фуко, в этом контексте мы склонны не противопоставить их друг другу (как это делает иногда сам Бурдьё), а объединить их теоретические схемы, придав оппозиции оконча-

³⁰ Имплицитно допуская тождество законов системы с механической каузальностью, разума теоретика с системностью общества, а, отсюда, системы-механизма с системой-субъектом, Парсонс, таким образом, полагает единое основание для всех системных событий, которое в явном виде можно обнаружить в королларии Спинозы к теореме о существовании только одной субстанции: «Следует, что вещь протяженная и вещь мыслящая (*res extensa* и *res cogitans*) составляют или атрибуты Бога или состояния (модусы) атрибутов Бога» [13, с.601].

тельный вид: «Фуко, Бурдьё/Парсонс». Однако то, что предстает для нас важным — это не обновленная историко-социологическая классификация, а инструментальное значение рассматриваемых схем и границы их применимости. Логика отождествления власти с не-властью у Парсонса, в отличие утверждения власти в дифференцирующем тождестве с самой собою у Фуко — вот конструктивные элементы их теоретических построений, которые позволяют нам устанавливать действующее отношение к социальному миру, рассмотренному социологически (даже если в собственной логике теоретика оно неочевидно). Рассматривая работы Парсонса более пристрастно и критически, мы, таким образом, не просто оцениваем (субъективно и социологически) их содержание. Наша цель: раскрыть механику построения социального пространства в обоих случаях и обозначить стратегическое содержание каждого из них.

Если продолжать рассмотрение подобных «государству», не всегда окончательно эксплицируемых аналогий у Парсонса, мы обнаружим еще несколько разноуровневых определений власти, таких как решение, действие, организация, даже интеграция,— сосуществующих с уже указанными государством, институтом, способностью, коллективными целями, средствами контроля. Понятие выстраивается каждый раз на основании тождества определяемой власти и определяющей не-власти, что превращает определение феномена в бесконечную, открытую вовне цепочку аналогий, чьи звенья комбинируются и дополняются путем произвольного заимствования из различных предметных областей и здравого смысла. Однако субстанциальный монизм, постоянно размывающийся во множестве уподоблений, остается исходным в определении власти и системы в целом. Учитывая перенесение на систему свойств субъекта, приписывание ей интенциональности, мы можем говорить о существовании общей логики в определении власти как вещи, отношения, события в социальном пространстве. Указывая каждый раз принципиальные различия в определениях власти, мы отмечали, что большинство из них так или иначе сводится к некоторой системной телеологии. Именно цель, точнее, иерархия целей, оказываясь высшим проявлением интенциональности системы, сводит у Парсонса все предметное разнообразие к единому основанию и позволяет говорить о редукции к однородности, не строгой понятийной, но императивной, как и в построении текста.

В пределе, все аналогии совмещаются в пространстве, заданном связкой «система — единое тело — высшая цель», где власть оказывается «распределением доступа к или контроля над средствами достижения целей, какими бы они ни были» [20, p.125]. Структурно единое тело-система, воспроизводящее себя во времени оказывается носителем целей и «высшей (paramount) цели всей системы, которая должна пониматься на очень высоком уровне абстракции» [17, p.225] — «только он один [Бог] и есть свободная причина» [13,

с.606]. С одной стороны, система как *causa sui*, оказывается непостижимой. Но постижение системы как предельного субъекта словно дарует теоретику возможность всеприсутствия. Поэтому с другой стороны, пространство системы как единой вещи оказывается доступной анализу по аналогии с физическим пространством, в котором объекты (функции и подсистемы) задаются по границам взаимной телесной непроницаемости и находятся в состоянии обмена энергией, сообщаемой от одного тела другому. Пространственные образы социальных подсистем и действующих на них факторов разворачиваются перед взглядом теоретика, который словно наблюдает общество с выделенной позиции, не являясь его частью. Пространство наблюдения и описания как власти, так и всех социальных феноменов равнодоступно, прозрачно и единоупорядочено в его видении. Поэтому возможно не только априорное понимание социальной динамики, но и предвидение в ней некоторой «высшей цели», гарантирующей, в конечном счете, целостность общества.

Власть оказывается в телеологически однородной пространственной схеме функцией множества факторов, независимых (но эмпирически не операционализируемых) «переменных»: «Власть может, для настоящих целей, пониматься как способность общества мобилизовать свои ресурсы в интересах целей ... которые «подчинены публичному интересу». Количество (amount) власти [в системе] есть атрибут всей системы и функция нескольких переменных. Таковы, как я себе представляю, поддержка, которую могут мобилизовать властвующие, блага, к которым они имеют доступ, ... легитимация, которая может соответствовать позициям обладателей власти и относительно безусловная лояльность населения общества в его политически упорядоченных аспектах» [17, p.224]. Отличие от работ Фуко, где мы также обнаруживаем определение власти как функции, состоит в том, что у последнего власть представлена как функция множественности точек (но не самих точек) [9, с.196], тогда как у Парсонса — как функция переменных (точек), полагаемых независимыми и исчислимыми, коль скоро не требуется анализа их исчислимости, содержания и взаимосвязи³¹.

Точки, у Фуко постоянно мигрирующие, образующие изменения в социальном теле, у Парсонса оказываются неподвижными, укорененными в самой системной схеме, потому и открытыми внешнему наблюдению³². Исходной для такого понимания общества выступает

³¹ В такой схеме упорядоченности налицо явное смешение «нормативного порядка» и «фактического (статистического) порядка» противопоставление которых Парсонс называет наиболее существенным в объяснении общества [22].

³² Здесь уместно вспомнить качество протяженной субстанции, приведенное предшественником Спинозы Декартом: «...Расположившись однажды определенным образом, частицы сами по себе не меняют больше своего положения» [23]. Неподвижность физического мира является условием его исчислимости. Подобно этому, наблюдаемое Парсонсом общество представляет набор переменных, которые изменяются не «сами по себе», но в логике иерархии системных целей. Чтобы продолжить структурную аналогию, воспользуемся данным Э.Гуссерлем описанием эпистемологических последствий введения новой схемы видения: «...Благодаря Галилею впервые была сформулирована идея природы как реального, замкнутого физического мира. Вместе с математизацией ... возникло и представление о замкнутой в себе природной каузальности, в которой все события были однозначно и заранее детерминированы. Тем самым был явно подготовлен дуализм, который вскоре и проявил-

схема доступного обыденному опыту физического пространства. Ее источник восходит к теоретическому горизонту новоевропейской метафизики, что делает неслучайным совпадение исходных посылок теории общества у Парсонса с онтологией Спинозы. Заключенная в построениях Парсонса предпосылка неподвижности пространства наблюдения, невозможности спонтанных изменений в нем, отсылает к метафизическим допущениям, принятым в акте окончательного овладения природой как неодушевленной и не полной в себе (профанной) каузальностью. Положенная в отношении общества, подобная профанная каузальность придает всей теоретической схеме следующий предельный смысл: высшей волей в отношении профанных социальных связей выступает сакральная. Восстановив обратным ходом, на основании уже указанных фрагментов, всю последовательность отождествлений, мы приходим к инстанции этой высшей воли: источник развития системы общества обнаруживается в высшей цели самой системы, подсистемой целедостижения выступает политическая сфера³³, а «органом», воплощающим всю полноту политической власти — государство. Таким образом, политическим содержанием использования Парсонсом схемы физического пространства в качестве исходной посылки социальной теории оказывается легитимация актуального государственного порядка. При неочевидной связи этих предпосылок, властный интерес подчиняет себе пространственную схему, вовлекая ее в такое построение социального пространства, которое предполагает свойства материи, преобразуемой внешним источником. А сам теоретик, наблюдающий общество извне, этому источнику оказывается тождествен или соприроден. Именно его способность к спонтанному изменению, полагаемая по другую сторону социальной каузальности, приводит к идеализации пространственной схемы и соответствующей ей классификации социального мира, в рамках которой непротиворечивым образом укладываются всякое множество предметностей. Социальное пространство, допущенное такой теорией, сохраняет исходные признаки «чистого» физического, как его характеризует Гуссерль, описывающий Галилееву-Декартову модель природы: «Для нас идеальному пространству принадлежит универсальное, систематическое, единое априори, некая бесконечная и, несмотря на бесконечность, внутренне замкнутая, единая, систематически развертываемая теория, которая, будучи построена на базе аксиоматических понятий и положений, позволяет сконструировать любые мыслимые пространственные фигуры с дедуктивной однозначностью» [24, с.65].

Характеризуя такое теоретическое видение общества в целом, мы можем указать, что позиция вне и над социальным миром и одновременное представление общества в его само-тождественном делении ставят теоретика в двойственное положение в контексте отношений знания и власти. С одной стороны, его взгляд обладает всеприсутствием, и вводимая посред-

ся в философии Декарта» [24, с.95].

³³ Мы не останавливались специально на этом тезисе Парсонса в силу его хрестоматийности.

ством высшей цели однородность оказывается результатом трансцендентного видения Парсонса, принцип которого очень точно описывает Мамардашвили: «...Во всех точках пространства наблюдения возможен (непрерывный) перенос наблюдения, не нарушаемый ни в одной точке. По отношению к любой из них, в том числе в такой, в какой я сам как наблюдатель не нахожусь, действует возможность рефлексивно в нее переноситься и воспроизводить в ней одно и то же сознание, то есть сделать себя сознательным носителем тех событий, которые в той точке произошли спонтанно и без меня. Я могу их воссоздать, то есть свести их к некоему одному (трансцендентальному) субъекту как автономному и конечному их источнику» [25]. Наблюдаемое пространство, которое вмещает в себя социальный мир, оказывается одной из декартовых субстанций: в отношении общества мыслящий разум теоретика оказывается тождествен системе в целом, наделяемой всеми свойствами субъекта, тогда как от эмпирически наблюдаемого общества рефлексивные свойства в пользу теоретика отчуждаются. Теоретик присваивает себе право представлять общество в целом из позиции его трансцендентного видения и понимания.

С другой стороны, заимствование схем видения и деления социального мира из различных внешних источников, включая здравый смысл, произведенный в рамках политического господства обнаруживает зависимость выделенной позиции и «как если бы» независимых категорий перцепции, воспроизводимых в ней, от структуры господствующих представлений. Легитимацию через внешние инстанции: здравый смысл, вес «великой традиции», политически признанные интерпретации — а также монопольное распоряжение рефлексивными способностями общества мы можем рассматривать в качестве решающих факторов при производстве схемы пространственной однородности общества. Соответствующую ей позицию теоретика во властных отношениях можно характеризовать как устойчивую в данном символическом порядке и заинтересованную в его стабильности, позволяющей от имени науки сохранять за собой роль жреца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты исследования пространственных схем социального порядка и соответствующих им властных стратегий, мы можем отметить следующие радикальные отличия между объяснением феномена власти у Парсонса и Фуко.

Определяющим в построении классификации социального мира у Парсонса выступает принцип ее однородности, который получает на различных уровнях форму тождества власти и не-власти. В самом общем виде, текст легитимирует себя через уже легитимные «великие традиции»: наук о природе, политической мысли, политического здравого смысла. Текст

Фуко, напротив, построен как система различий, в которых собственный метод принципиально противопоставлен «великим традициям». Классификация, выстраиваемая в оппозиции к легитимно существующей, обнаруживает в себе разрывы, неоднородности, противоречия при описании социального мира. Эта теоретическая «неполнота» вытекает из политического интереса такого видения — разрушения самоочевидного тождества действующей единой классификации. Различие в отношении к очевидности легитимных категорий перцепции (зафиксированное нами в оппозиции «жреческое (Парсонс)/пророческое (Фуко)») является базовым, которое определяет все прочие.

Фуко и Парсонс вводят универсалии объяснения аксиоматически и на высоком уровне абстракции. Но если Парсонс использует эти категории как действующие различия, то есть как имена вещей, имеющих социальную природу, то Фуко — как обозначение пучков отношений, подвергаемых дальнейшей проблематизации и анализу. У Парсонса имя является объяснением, в силу чего всякий элемент социальной классификации может обозначать любое множество фактов; у Фуко имя (элемент легитимной классификации) выступает предметом критики и демистификации. Именно поэтому предельной схемой социального пространства, внеположенного наблюдателю, у Парсонса оказывается однородная протяженная субстанция, тогда как у Фуко, который включает в теорию факт своей вовлеченности в социальные (властные) связи — это множество отношений, повсеместно распределенных, но не однородных по конфигурации, которые и получают обобщенное обозначение власти.

Из факта притягивания/непритягивания субстанциалистской логики объяснения власти вытекает и различие в определении конечных свойств власти. Если у Парсонса власть, отождествляемая, в частности, с государством, социальными институтами, правительством и социальным контролем, оказывается «вещью», то есть может принадлежать кому-либо, находиться в распоряжении отдельных лиц, инстанций или системы в целом; то у Фуко под властью понимается область множественных и подвижных отношений силы, предстающих дифференцирующим отношением между свойствами социальных локусов, а потому властью оказывается невозможно обладать или распоряжаться. Оппозиция «вещь/отношение» в определении власти предоставляет место следующему различию.

В работах Парсонса власть определяется на множестве «социальных вещей», обладающих сходным строением: необходимо присутствуют солидарная общность индивидов, коллективная цель, система как источник контроля и конечный субъект. Власть оказывается в этом случае признаком определенного рода социальных объектов, в предельном случае сводимых к государству, а универсалии «система», «функция», «институт» и прочие играют роль средства принудительного сведения очевидностей обыденного опыта в единую непротиворечивую классификацию. Фуко, напротив, избрав исходным уровнем анализа не «соци-

альные вещи», а «социальные места» — конкретные манифестации отношений власти — в абстрактном понятии власти указывает на ее несводимость к частным формам реализации, определяя ее как отношение, замкнутое на себя. Если Парсонс стремится говорить от лица всего общества, характеризуя его через единую цель и, тем самым, делая систему тождественной его разуму волящей вещью *causa sui*, то Фуко выступает прежде всего как заинтересованный производитель представления о власти, сделавший ставку в игре сил, претендующих на ее определение. Внося поправку на свой властный интерес в форме знания, Фуко обнаруживает, что ансамбль отношений силы как таковой лишен телеологии, а потому, воспроизводясь автономно, одновременно генерирует и фиксирует «стратегическую ситуацию» в эмпирически наблюдаемом обществе.

Наконец, принципы социально-теоретического объяснения у Парсонса воспроизводят обыденные и политически навязанные критерии видения и деления, которые, с опорой на естественнонаучный терминологический аппарат, составляют основу его теоретической классификации социального мира. Объяснение расположено к очевидности и доступности, а потому пространственная схема социального порядка, в конечном счете, редуцируется к образу физического пространства, прозрачного для обыденного опыта. Фуко, в противоположность этому, в своем тексте стремится произвести в целом не универсальную классификацию объектов социального мира, но классификацию властных стратегий, посредством которых они представлены. Если для Парсонса теоретическая практика оказывается принципиально внеположенной эмпирически наблюдаемому миру, то построение Фуко именно в возможности самоописания достигает наиболее значительного результата. Пространственная схема, произведенная в разрыве с интуитивно доступными представлениями, теряет простоту, поскольку введение в нее теоретика задает проблему восприятия и полагания самого пространства. В результате проблематизации, пространственная схема приобретает характер топологии: множество локусов наблюдения оказывается в зависимости от положения наблюдателя, а значит, ограничивается по доступности для описания и уже не может быть сведена к одному из мест, объектов или социальному пространству в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Социальное и физическое пространства// Бурдьё П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть// Бурдьё П. Начала. — М.: Socio-Logos, 1994.
3. Барт Р. Лекция// Р.Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс — Универс, 1994. с. 548.

4. Bourdieu P. Homo Academicus. — Cambridge: Polity Press, 1990. pp. xix-xxv.
5. Миллс Ч. «Социологическое воображение». — М.: Стратегия, 1998. сс. 36-63.
6. Бурдье П. «Ориентиры»// П.Бурдье. Начала. — М.: Socio-Logos, 1994. сс. 63-65.
7. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов»// Бурдье П. Социология политики. — М.: Socio-Logos. 1993. с. 60.
8. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. — М.: КАМІ—Academia, 1995. с. 19.
9. Фуко М. Воля к знанию// Фуко М. Воля к истине. — М.: Магистериум—Касталь, 1996.
10. Foucault M. Discipline and punish. — London: Penguin Books, 1991.
11. Фуко М. Археология знания. — Киев: Ника-Центр, 1996.
12. Делез Ж. Фуко. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.
13. Спиноза Б. Этика// Спиноза Б. Об усовершенствовании разума. — М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.
14. Александров П.С. Введение в теорию множеств и общую топологию. — М.: Наука, 1977. с. 98.
15. Parsons T. Propaganda and Social Control// Parsons T. Essays in Sociological Theory. — New York: Free Press, 1954.
16. Parsons T. “Voting” and the Equilibrium of the American Political System// Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. — New York: Free Press, 1967.
17. Parsons T. On the Concept of Political Power// Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. — New York: 1967.
18. Хоманс Дж. Возвращение к человеку// Американская социологическая мысль. — М.: Издательство Московского университета, 1994. с. 52-53.
19. Parsons T. The Hierarchy of Control// Parsons T. On Institutions and Social Evolution. — Chicago: The University of Chicago Press, 1982.
20. Parsons T. Integration and Institutionalization in the Social System// Parsons T. On Institutions and Social Evolution. — Chicago: The University of Chicago Press, 1982.
21. Parsons T. Some Reflections on the Place of Force in Social Process// Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. — New York: 1967.
22. Parsons T. Hobbes and the problem of Order// Parsons T. On Institutions and Social Evolution. — Chicago: The University of Chicago Press, 1982. p. 98.
23. Декарт Р. Мир, или трактат о свете// Декарт Р. Сочинения в 2 тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1989. с. 185.
24. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология// Гуссерль Э. Философия как строгая наука. — Новочеркасск: Сагуна, 1994.
25. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. — М.: Лабиринт, 1994. с. 10.